

СОЗНАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СВЕТЕ ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЦИАЛЬНОСТИ

Исследована категория социальности, которая рассмотрена через призму постклассического трактования сознания и деятельности. Методологической базой работы послужили идеи отечественных философов и психологов: А. В. Брушлинского, В. В. Давыдова, Ю. В. Громыко, В. С. Библера, В. А. Лекторского и В. Е. Кемерова. Сделан вывод об определяющей роли категории субъекта и субъект-субъектных взаимоотношений.

Агрессивное методологическое вмешательство теории деятельности в социальные процессы породило универсалистические настроения. В качестве универсальной социальной категории деятельность предстала в работах не только философов-марксистов (М. С. Каган, В. П. Иванов, В. П. Ярышкин, И. С. Кон, М. Я. Ковальзон), но и современных философов (К. Х. Момджян, Е. К. Быстрицкий, В. Е. Кемеров, Л. А. Зеленов, Г. В. Лобастова). Ахиллесовой пятой большинства вышеперечисленных философов является трактование социальности только как доминанты общества, без учета всех уровней взаимодействия общественного и индивидуального, особенно при пренебрежении последним. В итоге, например, такой существенной категории, как личность, предназначается только пассивная роль объекта.

За последние десятилетия в теории деятельности произошел ряд «прорывов», ценность которых еще до конца не осмыслена. В первую очередь следует выделить работы А. В. Брушлинского, В. В. Давыдова, Ю. В. Громыко, В. С. Библера и В. Е. Кемерова. Идеи, предложенные ими, позволяют отойти от классической интерпретации вопросов деятельности, сознания и социальности и сформировать новую (постклассическую) картину социальности.

«Социальность», как отмечает А. В. Брушлинский, «это социальность всех взаимодействий человека с миром (с обществом, с природой, с другими людьми и т.д.) – его индивидуальности, свободы, ответственности т.п.»; «это всегда неразрывные взаимосвязи между людьми во всех видах активности...» [1, с. 22, 93]. Каждый человек, выходя за пределы уже достигнутого уровня культуры, развивая ее далее, делает это, опираясь на уже достигнутую базу. Таким образом, любой человеческий индивид не менее социален, чем группа или коллектив.

Но Брушлинский идет дальше: у него социальна даже психика [1, с. 23]. Эта уникальная целостность природного и социального, составляющая сущность человека и его психики, возникла в ходе антропо- и социогенеза и развивается дальше в процессе истории человечества и жизненного пути каждой личности. В итоге социальное, общественное и индивидуальное соотносятся у Брушлинского как всеобщее, особенное и единичное. Основой их единства является «субъект социальности». По сути, этим снимается оппозиция между антропо- и социоцентризмом, что было отмечено Е. В. Семеновым [2].

При таком соотношении социального и общественного особенно явно выступает противоречивость индивида как деятельного субъекта. Он

всегда неразрывно связан с другими людьми и вместе с тем автономен, суверенен, относительно обособлен. Он и объект этих влияний, и субъект, в той или иной степени воздействующий на общество. Здесь не односторонняя, а именно двусторонняя зависимость: лишь будучи субъектом, человек может стать объектом (предметом).

«Субъект» у Брушлинского – это не отдельный человек, а «все человечество в целом, представляющее собой противоречивое системное единство субъектов иного уровня и масштаба: государства, наций, этносов, общественных классов и групп, индивидов, взаимодействующих друг с другом». Помимо этого, «субъект – это человек, люди на высшем (специфически для каждого) уровне активности, целостности, автономности и т.д.». Следовательно, согласно выводу Брушлинского, этот высший уровень всегда «индивидуализирован» в реальных условиях [1, с. 94].

Любой человек может стать субъектом по мере «выделения» себя из окружающей действительности и противопоставления себя ей как объекту созерцания, познания, действия. Быть субъектом – «значит инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, поведение, познание, созерцание и добиваться необходимых результатов» [1, с. 94]. Таким образом, человек как субъект – это высшее интегративное единство всех его противоречивых качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т.д. [1, с. 9].

Такая трактовка субъекта позволила на онтологическом уровне преодолеть сложившийся раскол на естественно-научный (Г. П. Щедровицкий, И. С. Ладенко, Н. Г. Алексеев, В. А. Костеловский) и гуманитарные (М. С. Каган, В. П. Иванов, И. С. Кон, Ф. Т. Михайлов) векторы в понимании не только категории субъекта, но и категории деятельности.

В этой связи представляются интересными исследования становления «внутреннего мира», предпринятые английским психологом Р. Харре, и идеи В. В. Давыдова об интериоризации [3, 4]. Харре показывает, что традиционное противопоставление субъективного и объективного вообще (и в психологии в частности) сейчас теряет свой смысл. Однако существование «внутреннего мира» необыкновенно важно для понятия культуры. Ибо только на основе этого «мира» и может существовать «Я» как «единство индивидуальной биографии и центр принятия свободных решений». Активно применяя идеи Выготского в составе своей концепции, Харре обосновывает неотделимость деятельности от соответствующих речевых актов, которые как бы вплетены в реальные практические действия и сами рассматриваются как действия. В свою очередь, для того чтобы возник «внутренний мир», сама идея «внутреннего» должна сначала возникнуть в культуре, осуществиться в формах коллективной деятельности.

Идея внутреннего мира означает и другое. «Возможны культуры и формы деятельности (и соответствующие им формы коммуникации), при которых индивид может участвовать как агент в коллективной деятельности и вместе с тем не обладать Я и внутренним миром как субъективно сознаваемым», – отмечает В. Лекторский [5]. Иначе этот процесс В. Е. Кемеров называет «полисубъектностью» [6]. Согласно ему, мы живем в «Мире», расколотом на множество частей, «Мире» мозаичном и лоскутном. Части мозаики не просто конкурируют между собой – они иногда отрицают друг друга. Более того, определенные части «Мира» подчас относятся к параллельным реаль-

ностям. Разные участники одновременно существуют в разных временных и пространственных координатах.

Такую постклассическую трактовку социальной реальности, позволяющую по-новому взглянуть на проблему деятельности, в настоящее время развивают В. Е. Кемеров и Т. Х. Керимов [7]. Эти авторы также развивают идею о том, что социальная реальность обладает некоторыми специфическими атрибутами: социальным временем и социальным пространством. Субстанциональной основой всей социальной реальности выступает «субъектность человеческих индивидов, а не только их присутствие в социальности» [7, с. 76]. Человеческие индивиды рассматриваются как «ядерные структуры социальности», обеспечивающие динамику социального бытия.

Такой подход к пониманию социальной реальности и социальной природы представляется весьма и весьма плодотворным.

Изменение интерпретации деятельности от производственно-трудовых к собственно жизнедеятельностным, жизнепрактическим задачам может означать только одно: сегодня предметом целенаправленных изменений становятся не просто новые объекты, а «объекты, до этого момента незыблемые: семья, системы родства, формы общежития, генетическая основа человека, сам человек с его различными способностями и функциями» [8, с. 116]. Деятельностный же подход позволяет ставить практический вопрос о воспроизводстве всех этих жизнедеятельностных предметов: субъекта, личности, семьи, структур родства (через память о родстве), мыследеятельности [8, с. 116].

Наиболее полно указанные идеи нашли свое отражение в работах Ю. В. Громыко. Опираясь на деятельностный подход, он совершенно по-новому решает проблему взаимосвязи человека и социальных институтов. Его мыследеятельностный подход позволяет представить социальные институты и человека как «систему способностей и особых деяний – действий в виде конкретных требований к организации процессов мышления, коммуникации, действия в конкретных ситуативных контекстах» [8, с. 117]. В результате этого реально изменяются границы «человеческого в человеке».

Переход от жизнедеятельностных проблем в деятельностном подходе к мыследеятельностным (а Громыко – ученик Щедровицкого) позволяет по-новому взглянуть на вопросы деятельностной теории сознания и мышления. С этой стороны важнейшим направлением изучения мышления является анализ его эволюционно-процессуальных и коммуникативно-сетевых механизмов. Так как знания – «это особые структуры и связки процессов мышления, понимания и рефлексии» [8, с. 116], мышление постепенно конденсируется, уплотняется и аккумулируется в сетевых структурах коммуникативного общения. В этих структурах накапливается «смысл», который в дальнейшем может давать эффект понимания, а затем его переход в мышление.

В. В. Давыдов, ссылаясь на работы окказионалистов (А. Гелинкс, Н. Мальбранш), предлагает ввести в этом случае идею «взрыва непосредственности», в результате которого для сознания возникают видения операциональной фактуры и организации мыслительных действий. Сам «взрыв непосредственности» происходит внутри особых идеальных структурированных действительностей, которые обладают высоким уровнем систематической структуризации и организации [9, с. 120].

С другой стороны, в процессе мышления начинает выходить конкретная личность («субъект мышления» у Брушлинского), которая одновременно

и включена в сложнейший полилогический процесс коммуникации, и в то же время сама ставит и решает свои мыслительные задачи, предъявляя ответы на них внутри коммуникативных сетевых структур.

Продвижение и развитие мыследеятельностного подхода, представлений о коллективной мыследеятельности требует развития деятельностной теории сознания. Давыдов считал, что деятельностный подход требует выдвижения абсолютно новой теории сознания, «которая:

- 1) позволяла бы схватить связь сознания с преобразующим действием;
- 2) ставила бы сознание в отношение к схемам, символам, знакам, а также различным типам семиозиса;
- 3) ...определяла бы функции сознания в системе общественных, коллективных отношений» [9, с. 140].

Эти три аспекта, определяющие необходимость разработки функции и строения сознания в деятельности, должны быть объединены с представлением В. П. Зинченко о бытийно-деятельностном слое сознания, в который входят биодинамическая ткань действия, чувственная ткань образа и рефлексивно-созерцательный слой сознания, включающий значения и смыслы [10]. С точки зрения Громыко, бытийным слоем сознания являются и процессы действия, и процессы мышления, и процессы коммуникации. У каждого из них есть своя биодинамическая и чувственная ткань, а «рефлексивно-понимающе-созерцательный слой» сознания пронизывает все эти три процесса, обособляясь от них на основе формирования особой вообразительно-созерцательной фактуры, конденсирующейся на основе сверток-результатов понимания. Результаты понимания, представленные в виде замкнутых завершенных структур, и образуют смыслы [8, с. 120].

Следующий немаловажный этап эволюции представления о сознании связан с закреплением за сознанием механизма дименсионализации – построения и введения нескольких измерений. Идеально вообразительные сферы и среды сознания могут выделяться и выступать в виде автономных систем, конденсируя на себе результаты процессов понимания и выражения их в знаках. Для того чтобы закрепить за сознанием механизм дименсионализации, сознание должно обладать определенной формой организации:

- 1) процессуально-организованное сознание, способное восстанавливать реальное протекание и осуществление процессов, имея перед собой некоторый результат;
- 2) инструментальное сознание, способное выделять на основе рефлексии средства построения и организации процессов мышления, действия, коммуникации;
- 3) сознание, обладающее полиматериальной организацией, обеспечивающее синтез и смысловое сращивание разных материалов: смыслов, схем, понятий и т.д.
- 4) сознание, создающее и удерживающее несколько разных измерений, является проблематизирующим сознанием, способным выделять и удерживать отсутствие знания, понятия, мысленного средства и тем самым разделять нормальную ситуацию (в которой применяются отработанные понятия и знания) и аномальную ситуацию (в которой нет понятий и знаний);
- 5) сознание, являющееся открытым к восприятию и пониманию других форм и типов организации сознания.

На основе описанной формы организации сознания Ю. В. Громыко совместно с Институтом учебника «Пайдейя» в монографии «Выготскианство за рамками концепции Л. С. Выготского» предложил программу изучения механизма дименсионализации [11].

Результатом этой программы стал отказ от идеи интериоризации как основного механизма развития сознания. «В ситуации коллективного мышления при организации взаимопонимания, коллективного мышления нет ничего внешнего и внутреннего, а есть, – выделяет Громыко, – постоянная система переходов от того, что индивидуализировано, к тому, что может быть обобществлено (принято и воспринято) коллективом или партнерами по коммуникации и наоборот» [8, с. 121]. Но, несмотря на такое «обобществление», сохраняются как слои и уровни сознания и осмысления («сенсомоторные коды» у В. П. Зинченко), которые не могут быть переданы в пользование коллективу, так и система представлений, освоенная общностью, но не принимаемая индивидом.

Отсюда со всей остротой встает проблема конституирования субъекта-агента коллективной деятельности, способного занимать определенную позицию и ставить четкие цели для всей коллективной общности. В сетевых структурах таким главным действующим лицом становится активная личность (креатор), вокруг которой формируются общности, союзы, коалиции. В основе этих сообществ оказываются множественные «интерфейсы» (межлицевое пространство), в которых посредством предъявляемых персональностей личности оказываются «лицом к лицу» и происходит «сочетание сознаний» (М. М. Бахтин). Через множественные интерфейсы выстраиваются практические конценции (сюнэйдезисы у Бахтина), дающие дополнительные возможности для личности. В дальнейшем создается сообщество как институализированное усилие личностей, направленное на организацию процессов конценцизации. Этот процесс, помимо работ М. М. Бахтина, подробно анализируется в работах Э. В. Ильенкова, а на современном этапе – Ю. В. Крупнова и П. Фрейре.

Конценцизация предполагает включение личности в систему процессов, действие в структуре которых может приводить к появлению новообразований сознания и мышления, к росту и продвижению самого сознания. Каждая личность при этом может свободно институализировать себя, обретать свою форму.

Обладая изначально целостным взглядом на единство «Мира» и человека (полихотомичность «Мира» – это свойство человеческого мышления), креатор в своей деятельности использует и то, и другое как конкретный инструмент. Предлагая свою идею, он одновременно выстраивает для нее необходимые временные структуры (конструкторские, производственные, торговые) и механизмы (схемы работы), которые и воплощают его идею в жизнь.

Современный философ-практик С. Б. Чернышев любит приводить в качестве примера компьютерную корпорацию «Дэлл» – одну из крупнейших в США [12]. У «Дэлл» нет ни одного своего завода по производству компьютеров. У нее нет своих бухгалтеров, складов, дилерской сети: все эти функции выполняют фирмы-подрядчики на условиях аутсорсинга, которые «Дэлл» не принадлежат. У данной компании есть только брэнд, банковские счета и залы для заседаний. Тем не менее, акции «Дэлл» стоят больше, чем акции РАО «ЕЭС», владеющего сотнями электростанций. Почему? Потому что

«Дэлл» владеет предпринимательской схемой производства товаров и услуг. В собственности этой корпорации находится не только уникальная схема взаимоотношений между ними. «Дэлл» также имеет потенциальную возможность производства уникальных товаров.

Всеобщность, универсальность деятельности в этом случае довольно точно отмечает В. С. Библер: *«Всеобщее, универсальное в человеческой предметной деятельности имеет смысл лишь тогда, когда его вторым полюсом является уникальность каждого предмета в соответствии с данной целью, с данным индивидуальным человеком, с данным уникальным субъектом, с его особенностями»* [13].

Но у данного процесса есть и обратная сторона, прямо касающаяся теории деятельности. Воплощение идеи креатора возможно только при условии функциональной интеграции всех основных видов деятельности, их слияния в нечто единое, целостное, в универсальный поток человеческой деятельности. Таким образом, в современном обществе на смену действию все чаще приходит метадействие деятельности – метадеятельность. Косвенным фактором, подтверждающим это, может служить тот факт, что сейчас невозможно истолковать такие разнообразные феномены, как, например, культура, общение, творчество или сознание, не прибегая к понятию деятельности.

Список литературы

1. **Брушлинский, А. В.** Проблемы психологии субъекта / А. В. Брушлинский. – М. : Ин-т психологии РАН, 1994.
2. **Семенов, Е. В.** Эвристическое значение оппозиции антро- и социоцентризма / Е. В. Семенов // Психологический журнал. – 1994. – № 6. – С. 23.
3. **Харре, Р.** Социальная эпистемология: передача знаний посредством речи / Р. Харре // Вопросы философии. – 1992. – № 9. – С. 49–50.
4. **Давыдов, В. В.** Деятельностная теория мышления / В. В. Давыдов. – М., 2005. – С. 95.
5. **Лекторский, В. А.** Деятельностный подход: смерть или возрождение? / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 65.
6. **Кемеров, В. Е.** Политсубъектная реальность / В. Е. Кемеров // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия : материалы третьего Российского философского конгресса: в 5 т. – М. : Рабочие тетради, 2001. – Т. 3. – С. 76.
7. **Кемеров, В. Е.** Грани социальности: постклассический взгляд / В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. – Екатеринбург : У-Фактория, 1999.
8. **Громыко, Ю. В.** Деятельностный подход: новые линии исследований / Ю. В. Громыко // Вопросы философии. – 2001. – № 2.
9. **Давыдов, В. В.** Последние выступления / В. В. Давыдов. – М. ; Рига : ПЦ «Эксперимент», 1998.
10. **Зинченко, В. П.** Психологическая педагогика : в 2 ч. / В. П. Зинченко. – Самара : Изд-во СГПУ, 1998. – Ч. 1. – С. 13–14.
11. **Громыко, Ю. В.** Выготскианство за рамками концепции Л. С. Выготского / Ю. В. Громыко. – М. : Пайдейя, 1996. – С. 139–140.
12. **Чернышев, С. Б.** Россия, собственность, идея / С. Б. Чернышев. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 86–87.
13. **Библер, В. С.** Самостоянье человека: «предметная деятельность» в концепции Маркса и самодетерминация индивида / В. С. Библер. – Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1993. – С. 68.